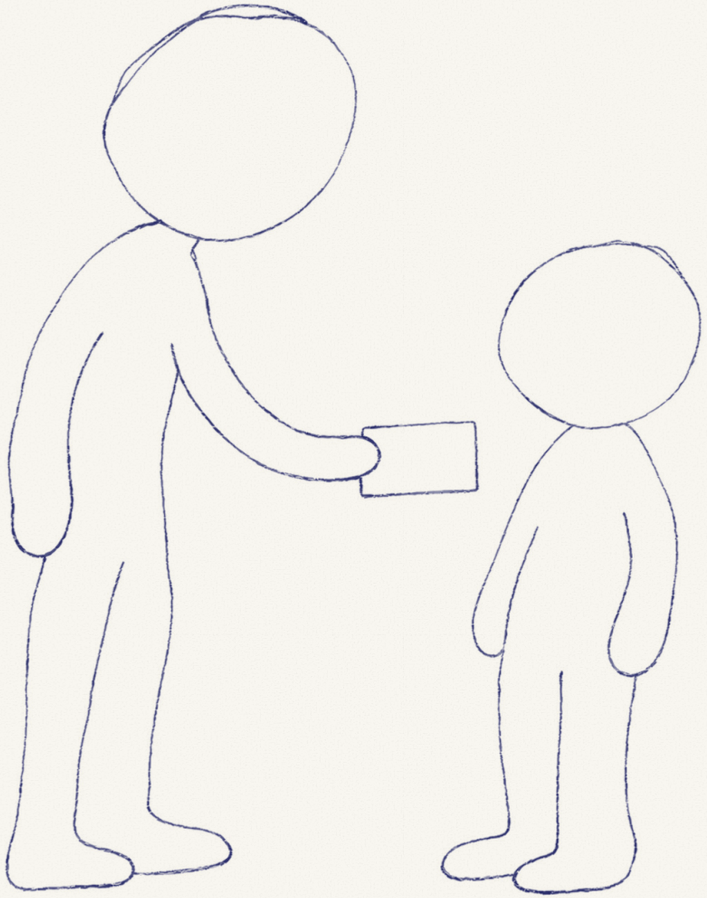
Кирилл Шебетов

Кто решил, что слово „человек“ — это я?

Я хочу положить конец вере в то, что слова, которыми я называю себя, тебя и мир, и есть я, ты и мир.

Начать читать

Моей сестре Люсе

Люся, тебе было восемь, когда умерла твоя мама. Я младше тебя на шесть лет. Моя мама стала за тобой ухаживать. Так в твоей жизни оказался и я. Мне она была мамой. С чего мы взяли, что для тебя она могла заменить твою? Я всегда называл тебя просто сестрой. Ты не была обязана принять меня как брата.

Нам с тобой бывало трудно. Я помню, как мы поднимались на гору. Ты ушла выше, я остался один. Я тянул к тебе руку и просил помочь. Ты позвала каких-то ребят. Они помогли мне подняться.

Позже у меня случались приступы. Я могу назвать это страхом. Могу сказать «астма». Тогда мне нужны были родители рядом. Мне хотелось, чтобы они остались со мной и тогда, когда я скажу им, что на занятия, которые они выбрали, идти не хочу. Почему я вообще должен был что-то им за то, что родился?

Что я помню о тебе

Из-за моей астмы много внимания доставалось мне. Я видел, как ты всё больше замыкалась. В шестнадцать тебя стало рвать. Тогда прозвучало слово «булимия». Ты покупала себе вино и тихо пила у себя в комнате, заедая батоном. В том же году ты начала курить. Наши родители курили с нашего детства.

Когда твой отец узнал про сигареты, мы были на кухне вчетвером. Ты, я, моя мама и твой отец. Он бросил тебе в лицо стеклянный стакан. Ты увернулась и убежала в слезах. Я видел, как те, кто называл себя нашими родителями, отворачивались от нас обоих. В тот вечер они винили тебя. Я помню, в чьей руке был стакан.

Ты умерла одна. Тебе не было сорока. Когда я думаю об алкоголе и о том, как тебе жилось, я пишу «боль». Это слово сейчас выбираю я. Мне уже не спросить тебя, что бы ты сама рассказала.

Спасибо тебе, Люся, что позвала тогда тех ребят. Эту книгу я посвящаю тебе.

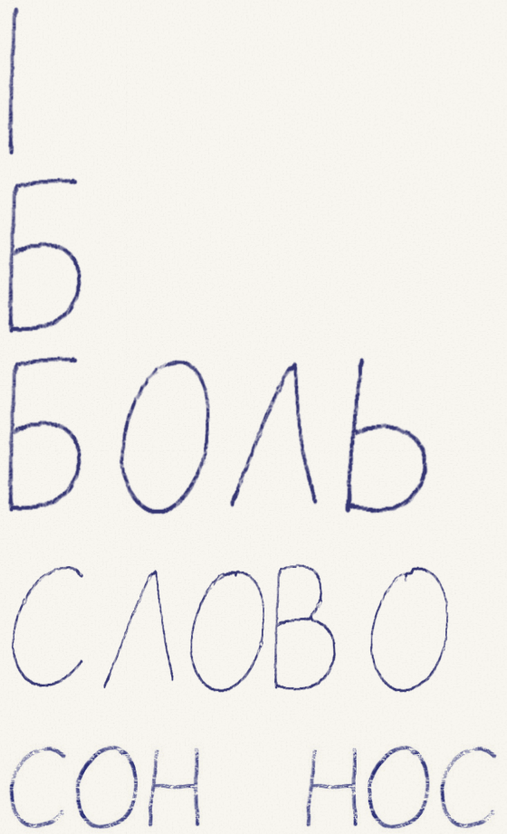

БОЛЬ

СТРАХ

Когда из черты получилось слово «боль»?

Когда я добавил к первой черте остальные штрихи. На листе получилось слово «БОЛЬ».

В детстве я сначала услышал «боль». Я повторял это слово, когда резался или ударялся. Я давно знал, как оно звучит, когда впервые написал четыре буквы — б, о, л, ь.

Я могу произнести «боль» вслух или про себя. Допустим, я порезал палец и написал «БОЛЬ». К вечеру палец уже не болит. Порез ещё виден. Четыре буквы на листе те же. По ним не узнать, в какой момент мне стало легче.

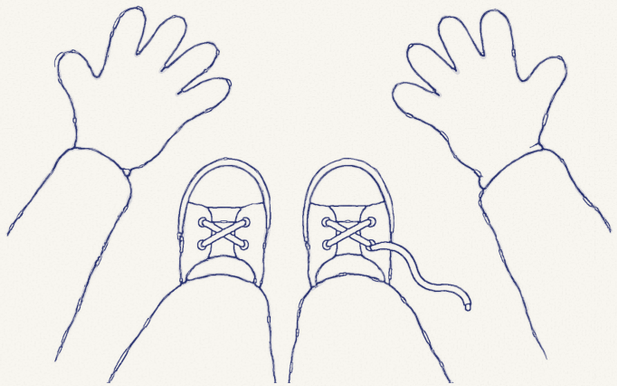
Я говорю «боль» и когда пореза нет. Могу сказать «боль при депрессии». Оба слова я выучил. Ты можешь их прочесть. Как прошёл мой день, я могу рассказать дальше.

Я останавливаюсь и смотрю, что на листе. Веду взглядом по синей черте сверху вниз. В Б слова БОЛЬ я вижу ту же черту. В слове СТРАХ она вошла в Т. Даже в слове СЛОВО я могу разглядеть каждую линию.

СОН. НОС. Я переставил три буквы и прочёл другое слово. Я могу на секунду отложить оба прочтения и посмотреть, что оставила ручка на бумаге. Только линии. Из таких линий сложен алфавит наверху. Эту фразу я тоже пишу буквами, которые выучил.

Шнурок развязался

Откуда я смотрю

Я смотрю вниз. Один шнурок развязался.

Ты стоишь сзади. Тебе виден мой затылок.

Я опускаю глаза. Вижу ладони, колени, носки кроссовок. Один шнурок развязался. Ты стоишь позади меня и видишь мой затылок. Я своего затылка отсюда не вижу.

Чтобы рассмотреть всё своё лицо, увидеть, как двигаются мои губы, я могу поднести зеркало. Там будет отражение. Если ты меня сфотографируешь, мы сможем посмотреть один снимок. На нём я буду виден с того места, где ты держал камеру.

Представим, что я ещё маленький. Взрослый видит, что я смотрю вниз, и говорит «Ты стеснительный». Через какое-то время я уже сам говорю «Я стеснительный».

Кто увидел, что я «стеснительный»?

Я увидел шнурок. Взрослый увидел, как я опустил голову. Мы оба выучили слово «мир», а смотрим каждый со своего места. «Стеснительный» — его объяснение. Я научился его повторять. Быть таким я не обещал.

Предисловие

С чего для меня всё началось

Меня зовут Кирилл. В пять лет мне поставили диагноз «астма». Я помню больницы, обследования, ингаляции. Взрослые говорили, чем мне можно заниматься, а чем нельзя. Я и сейчас могу написать а-с-т-м-а. Почему мне тогда что-то запретили, придётся спросить того, кто решил.

В семь лет я спросил одноклассника, как можно говорить одно, а делать другое. Он долго меня слушал. Дома я знал слово «мама» и всё равно мог чувствовать, что меня не замечают. Позже я слышал «люблю» и всё ещё хотел, чтобы мне дали договорить.

Мне было лет восемь. Отчим заставлял меня переписывать все тома Пушкина. Я писал до ночи, натирал руки до мозолей и ложился спать в слезах. Почему я был обязан их переписывать? По какой строке видно, что я стал умнее? Если программа повторит больше строк, чем я, почему я назову её умнее?

Тогда я уже умел сказать «мне больно». Я привык к этим словам задолго до того, как спросил себя, откуда они у меня. Теперь я сам поставил на обложке имя «Кирилл Шебетов». По нему ты можешь найти мои песни и услышать мой голос. В какой момент эти буквы стали мной?

Предисловие

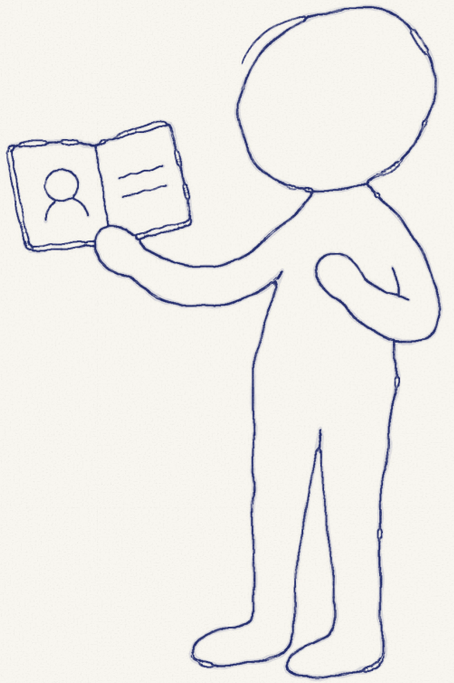
Зачем я это написал

Ко мне обращались по имени, когда я ещё не знал своего имени. Обо мне говорили «он человек», пока я ещё не умел говорить. Потом меня научили произносить «я человек». Я узнаю каждую букву. А когда я соглашался, что обязан выучить этот язык и стать тем, что обо мне на нём сказали?

Я ношу паспорт. Если я оставлю его дома, за окошком мне могут сказать «принесите документ». Кому это сказали, пока запись с моим именем лежала дома? А когда я один, без паспорта и окошка, я всё равно могу спросить себя «кто я на самом деле?» и ждать, что правильным ответом окажется ещё одно выученное слово.

Я говорю о тебе «чужой» и закрываю дверь. Дверь закрыл я. Что я узнал о тебе, услышав собственный голос? Я могу и верно предсказать, когда упадёт камень. Когда он ударится о землю, цифры всё ещё будут у меня в тетради.

Я хочу, чтобы для каждого, кто родился и кто ещё родится, кончилось требование принимать записи за себя, за другого и за мир. Зачем передавать его ребёнку вместе с ручкой? Мою книгу тоже можно выучить наизусть. Я написал её, чтобы здесь можно было остановиться и проверить даже мои слова.

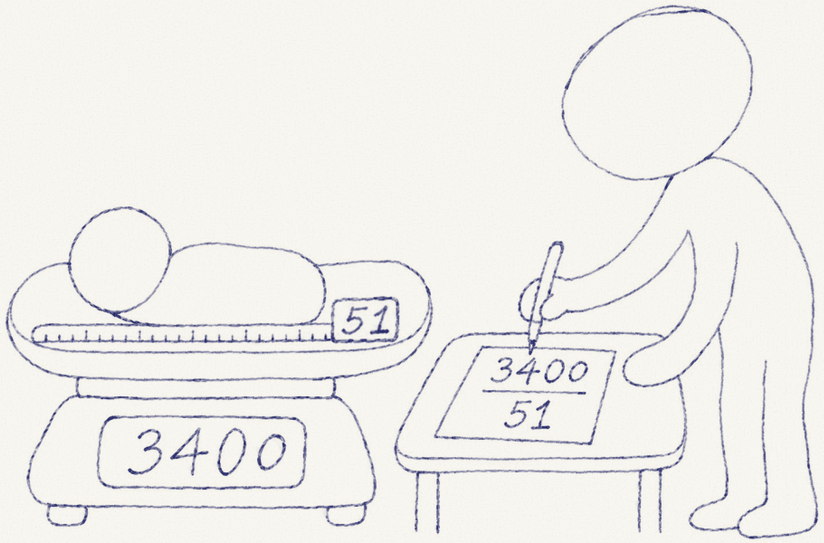
Почему я взялся за слова, 13:22

Содержание

Посвящение Люсе	2
Что я помню о тебе	3
Одна черта	4
Откуда я смотрю	8
С чего для меня всё началось	9
Зачем я это написал	10
Меня уже записали	12
Место для «не»	13
Где начинается подмена	14
Почему подмена повторяется	15
Как далеко доходит запись	16
Вид указан верно	17
«Найди себя»	18
Горячая кружка	19
Что я называю любовью	20
Куда делось «сегодня»?	21
Ты молчишь	22
Шаг в сторону	23
Я разделил поровну	24
Восемь букв	25
Ни одного самостоятельного дела	26
«Вас нет в списке»	27
Чья тысяча?	28
Слово в карте	29
Полсекунды	30
Обе строки я написал сегодня	31
Ещё одно «я»	32
Можно просто взять глину?	33
Я ослабляю поводок	34
На полях	35
Кто написал «никто»?	39
Люсе	40
Алфавит	41

Меня уже записали

Карточка из роддома

Рост и вес на рисунке даны для примера.

Имя Кирилл

Рост 51 см

Вес 3400 г

Время рождения

Дата рождения

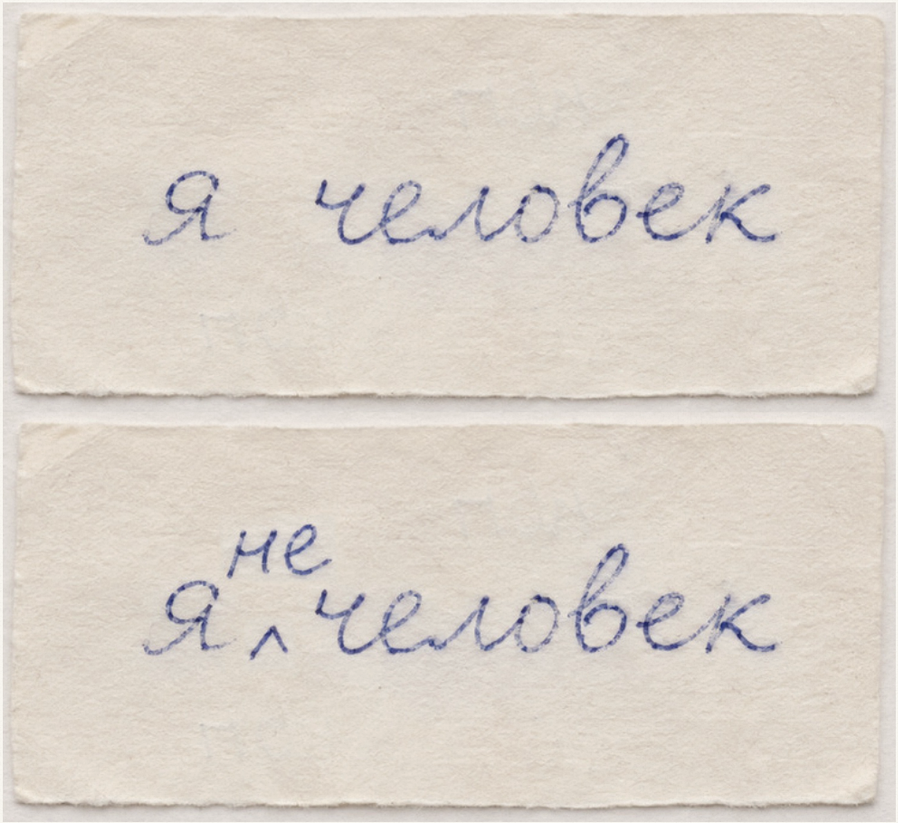
Я лежу на весах в роддоме. На табло 3400 г. Взрослый пишет в графе «Вес» те же четыре цифры. Прикладывает ленту от моей макушки до пятки и записывает рост — 51 см. Он когда-то учился читать эти цифры и выводить их рукой. Я ещё ни одной не знаю.

В карточке есть имя «Кирилл», графы для даты и времени рождения. Тот, кто возьмёт её в руки через год, узнает, сколько я весил при рождении. А если он перепишет 3400 г в графу «Вес сегодня»? Цифры он скопировал верно. Сегодня меня никто не взвешивал.

Когда я вырасту, мне могут протянуть ту же карточку со словами «Вот кто ты. Так и отвечай». Кто решил, что теперь я обязан так о себе говорить? Это потребовал тот, кто протянул мне карточку. При взвешивании меня об этом не спрашивали.

В какой момент эта запись стала мной?

Ни в какой. На рисунке взрослый уже может взять карточку и унести её. А я всё ещё лежу на весах.

Что я написал

я человек
я не человек
никто из нас не человек
В прописи Я Я Я

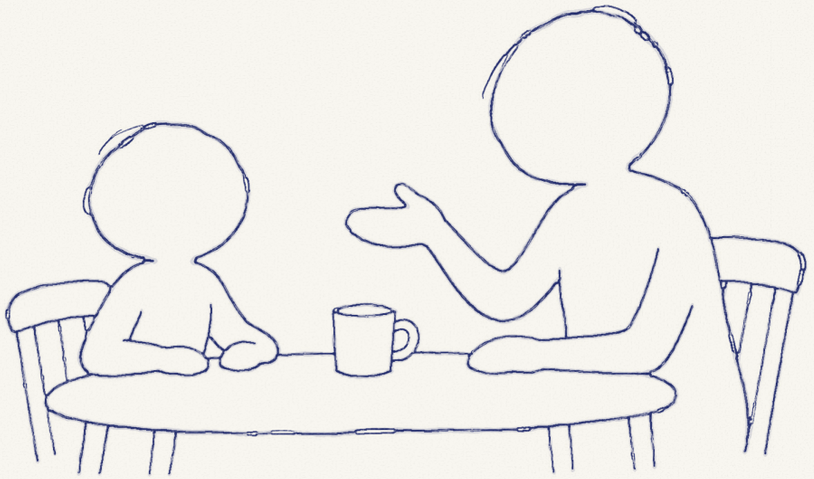
Место для «не»

Я умел сказать «я» задолго до того, как умел его написать. Сначала я слышал, как другие произносят «я», каждый о себе. Потом сам стал произносить тот же звук о себе. Когда мне дали прописи, я посмотрел на образец и вывел ручкой букву Я. Теперь я умел ещё и писать то, что давно говорил.

Я пишу «я человек». Между словами вставляю «не». Теперь можно прочитать «я не человек». Ниже я пишу третью строку. Первые две я написал о себе. В третьей появились слова «из нас». Ручку по-прежнему держу я. Что я узнал о тебе, когда написал за нас обоих?

Миллионы людей говорят «я», каждый о себе. Юнг писал о коллективном бессознательном. Можно ли по этой букве судить, прав ли он? Мы с тобой выучили один знак. Из этого я ещё не могу заключить, что у нас общее бессознательное или что его нет. Чтобы узнать, о чём ты подумал, когда прочитал «я», я могу спросить тебя.

Я научился произносить «я» и писать «Я». Где в моей прописи я согласился, что этот звук и эта буква — я сам?

За одним столом

Сегодня я молчу.

«Ты тихий».

«Я тихий».

Где начинается подмена

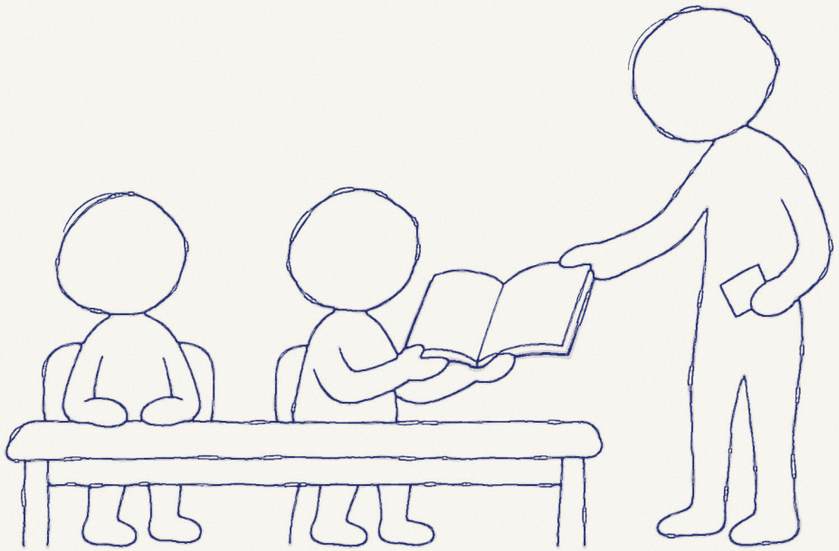
Представлю себя ребёнком за столом. Сегодня я молчу за ужином. Взрослый говорит мне «ты тихий». Может быть, я просто слушаю. Может быть, у меня крошка застряла между зубами. Он видит, что я молчу. Почему я молчу, он ещё не спросил.

Если я слышу «ты тихий» много раз, я запоминаю, что так говорят обо мне. На вопрос «какой ты?» у меня уже есть ответ. Я говорю «я тихий». Взрослый кивает. Я ещё букв не знаю, а что ответить, уже выучил на слух. Мне важно, что взрослый одобрил мой ответ. В следующий раз эти два слова приходят сами, даже когда я один.

В другой семье это может звучать на другом языке. Ребёнку достаточно заметить, какой ответ от него принимают. Потом он может задать тот же вопрос своим детям.

Где я принял чужое описание за себя?

Когда стал решать, могу ли я заговорить завтра, по тому, каким меня назвали вчера. Я могу помнить тот ужин и всё-таки открыть рот.

Что можно увидеть

Записку прочла учительница.

Книга у моего соседа.

Я сижу рядом.

Почему подмена повторяется

Пусть в новый класс раньше меня придёт записка. В ней про меня одно слово — «тихий». Учительница ещё ни разу со мной не говорила. Нужно выбрать, кому читать вслух. Она заглядывает в записку и передаёт раскрытую книгу моему соседу. Читает он. Я молчу.

После урока учительница вполне может сказать другой учительнице: «Он и правда тихий. За весь урок ни слова». Чей голос она слышала на уроке? Голос моего соседа. Кому досталась книга, решала она. А следующему взрослому достаётся уже готовый ответ обо мне.

Так я вижу, почему это продолжается. Готовое слово легко передать. У взрослого есть возможность поступить со мной по этому слову. Когда я вырасту, книга может оказаться в моих руках, а рядом со мной — ребёнок, которого кто-то уже описал.

Что я могу сделать, пока книга у меня?

Спросить «Хочешь почитать?» и подождать. Ребёнок может сказать и «да», и «нет». Я ещё не слышал его ответа.

Как далеко доходит запись

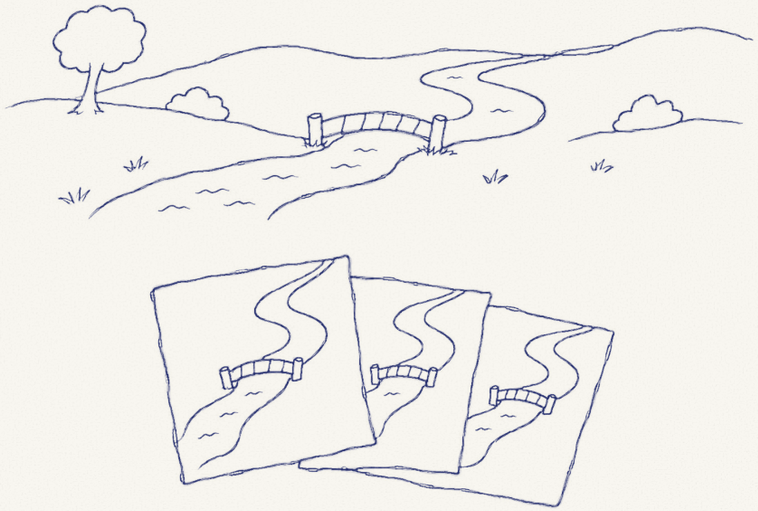
Кто первым принял запись за того, о ком она сделана? Я не знаю. В городе Умме в Месопотамии около четырёх тысяч лет назад на глине записали, какой паёк полагался гонцам. Я читаю про хлеб и лук. Наелся ли гонец, по списку я не узнаю.

На трёх картах я вижу мост. Пусть он и правда на месте. Я дохожу до реки и перехожу по нему. Если две карты срисовали с первой, три листа ещё не означают, что к мосту ходили трижды.

Я и правда молчал вчера за ужином. Дома про меня написали «тихий». Учительница за нашим столом не сидела. Ей хватило записки, чтобы передать книгу моему соседу. Следующей учительнице она может сказать «Я его тоже не слышала». Теперь об этом говорят двое. Хочу ли я читать, меня так никто и не спросил.

Где здесь подмена, если вчера я действительно молчал?

Моё вчерашнее молчание приняли за мой сегодняшний ответ. Мне понадобилось 35 лет, чтобы это написать. Теперь, когда книга у меня, я могу спросить «Хочешь почитать?» и оставить её рядом.

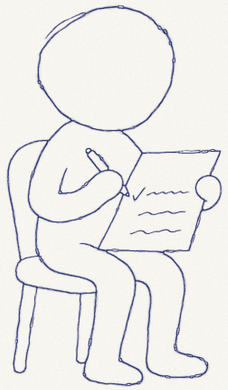

Три карты

На каждой я вижу мост.

Когда у реки в последний раз кто-то был?

Табличка из Уммы в Метрополитен-музее

Две карточки

Первый ответ	Homo sapiens
На обороте я дописал	Прими это за себя
На новой карточке	Homo sapens
Ученик вписал і	Homo sapiens

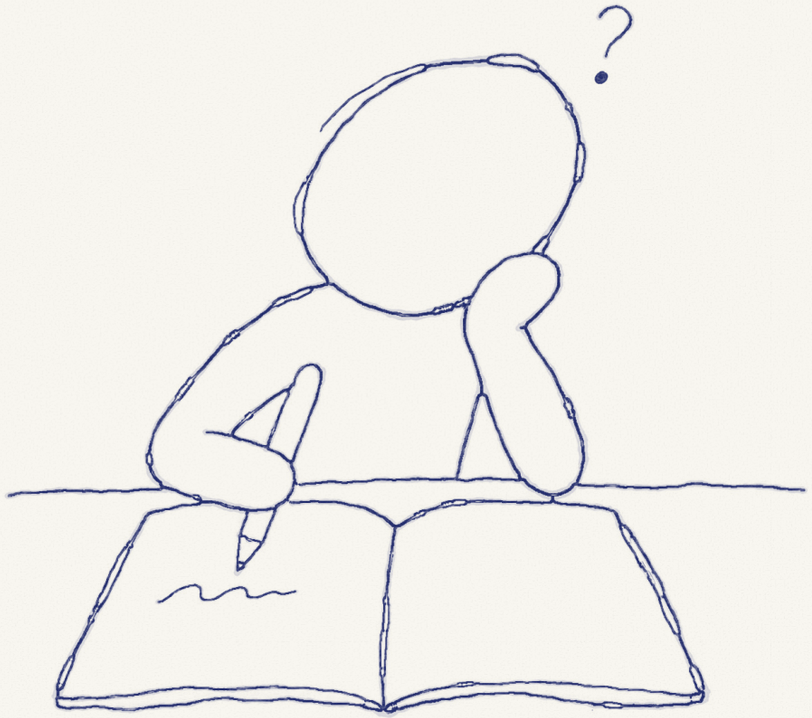
Вид указан верно

Я прошу тебя вписать в карточку научное название вида, к которому мы оба принадлежим. Ты пишешь «Homo sapiens». Я открываю справочник, нахожу ту же строку и ставлю галочку. Ты ответил правильно. Я и сам могу пользоваться этим названием.

Я переворачиваю карточку и пишу на обороте «Вот кто ты. Прими это за себя». На лицевой стороне — твой ответ и моя галочка. Название вида я сверил со справочником. Требование на обороте я придумал сам. Когда ты отвечал, эта сторона ещё была пустой.

Если бы ты сам выбрал это название, оно по-прежнему было бы точным. На следующий день ты пишешь его на новой карточке. Получается «Homo sapens». Ты сверяешь обе записи и вписываешь пропущенную і между р и е. Теперь и на второй карточке «Homo sapiens». Что надо было исправить в тебе?

В какой момент моя галочка за правильный ответ стала твоим согласием принять эту запись за себя?

На клочке бумаги

Найди себя.

с-е-б-я

«Найди себя»

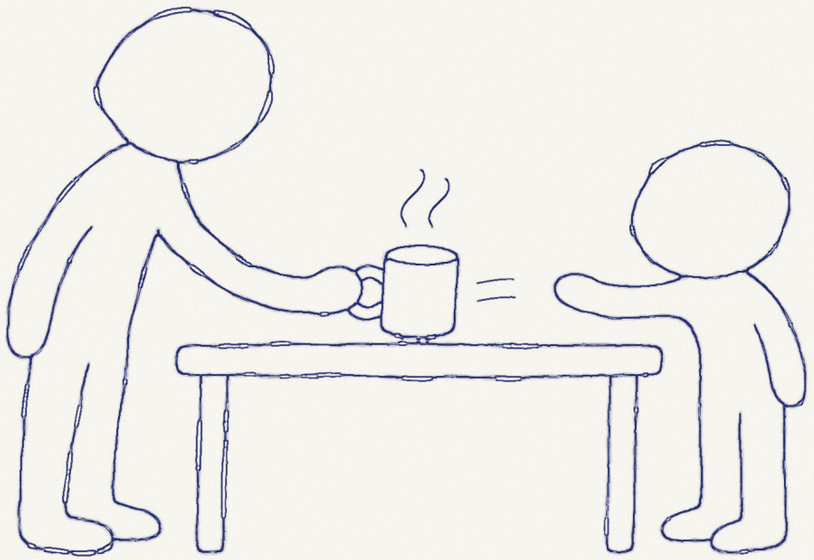
Я беру в руки записку от тебя. На ней два слова: «Найди себя». Я читаю и уже прикидываю, с чего бы начать. А что я прочёл? С-е-б-я. Как читать эти четыре буквы, я когда-то выучил. Когда я успел согласиться, что мне предстоят поиски?

Допустим, я год ищу подходящее занятие. Каждый вечер спрашиваю: «А это настоящий я?» Слово «настоящий» я тоже выучил. Кто поручил мне теперь сверять с ним всё, что я делаю?

Я могу оставить записку на столе. Подбирать взамен ещё одно слово, которое наконец подошло бы мне, я тоже не обязан.

Если я так и не начну себя искать, чьё задание останется невыполненным?

Горячая кружка

Слова взрослого

Ты испугался.

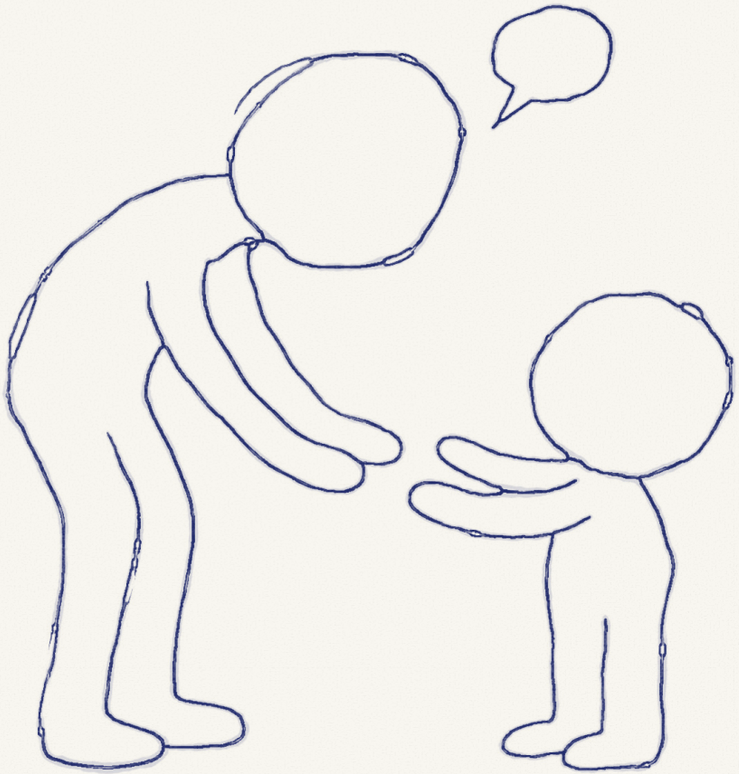
Страх или удивление?

Я могу отодвинуть горячую кружку, если к ней потянется ребёнок. Могу при этом сказать «горячо». За тем же столом я могу сидеть с ребёнком, который слышит от меня это слово впервые.

Теперь я говорю «ты испугался». Ребёнок молчит. «Скажи, что ты почувствовал. Страх или удивление?» — настаиваю я. Оба слова выбрал я. Я же решил, что ребёнок должен найти в себе одно из двух. Даже слово «чувство» ему предлагаю я.

Я могу показать ребёнку, как пишется каждое из этих слов, если он сам захочет. А если он уйдёт играть, так ничего и не сказав о себе? Кружку я уже отодвинул.

Почему я вообще жду, что за мою помощь он отчитается словами о себе?

Что я написал

л ю б о в ь

Шесть букв.

Что я называю любовью

Я пишу слово «любовь» по буквам. Все шесть я когда-то выучил. Я могу исписать этим словом целую страницу и ни разу не поднять глаза на того, кто рядом.

На горе я тянул руку к Люсе. Она была выше. Я попросил помочь, и сестра позвала ребят. Они помогли мне подняться. Вот что я помню. А слово «любовь» я пишу сейчас, много лет спустя.

Любовью я называю внимание к другому. К себе я прислушиваюсь, когда мне нужна помощь. Так же внимательно я могу отнестись к ребёнку, своему или чужому. Он тянет ко мне руку. Я могу молча подать ему ладонь. Если он отодвинется, я могу дать ему место.

А если я скажу ребёнку «сначала скажи, что любишь меня», чего я буду ждать?

Своих же слов, произнесённых его голосом. Руку я могу подать уже сейчас.

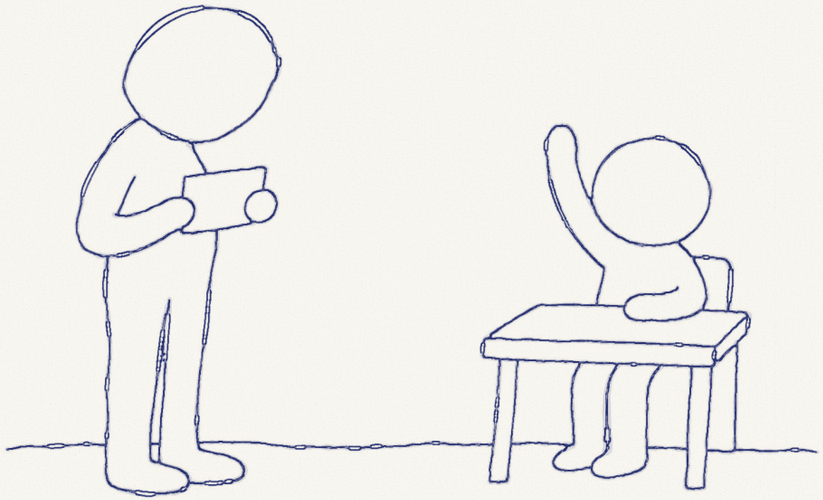
Куда делось «сегодня»?

Допустим, я сам пишу учителю: «Я сегодня боюсь отвечать у доски. Можно с места?» Каждое слово выбрал сам. Именно это я и хотел сказать.

Учитель позволяет мне ответить с места. А после урока записывает в карточке: «Боится публичных выступлений». В его записи исчезло «сегодня». Исчезла доска. Исчезла и моя просьба.

Через год я вызываюсь выступить на школьном вечере. Другой учитель выбирает кого-то вместо меня. Я спрашиваю почему, и он показывает мне карточку. Вот что он прочёл, пока я стоял с поднятой рукой.

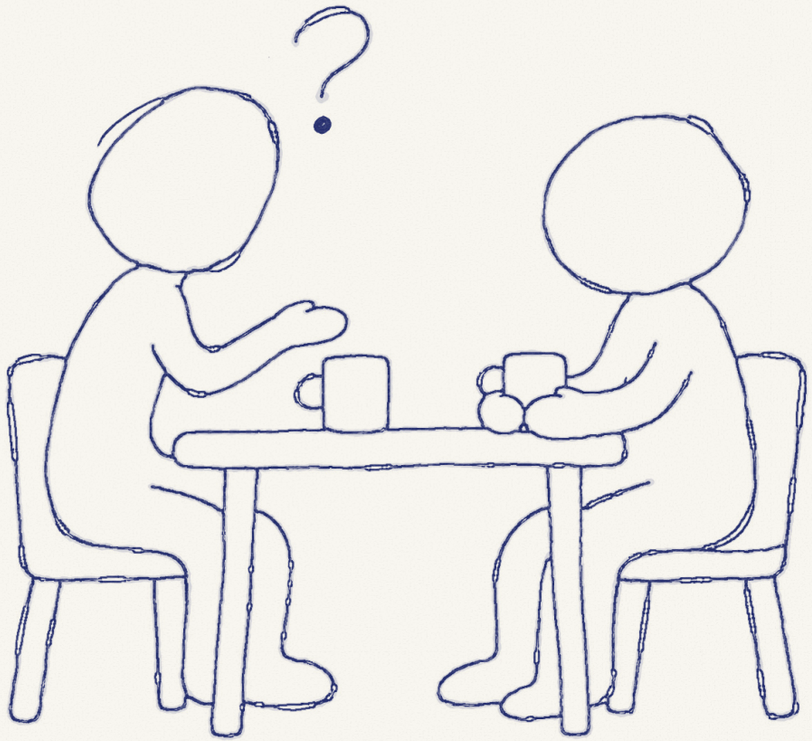
В какой момент моя просьба на один урок стала разрешением решать за меня через год?

Из записки в карточку

Я сегодня боюсь отвечать у доски.

Боится публичных выступлений.

За столом

Ты обиделась?

Она обиделась.

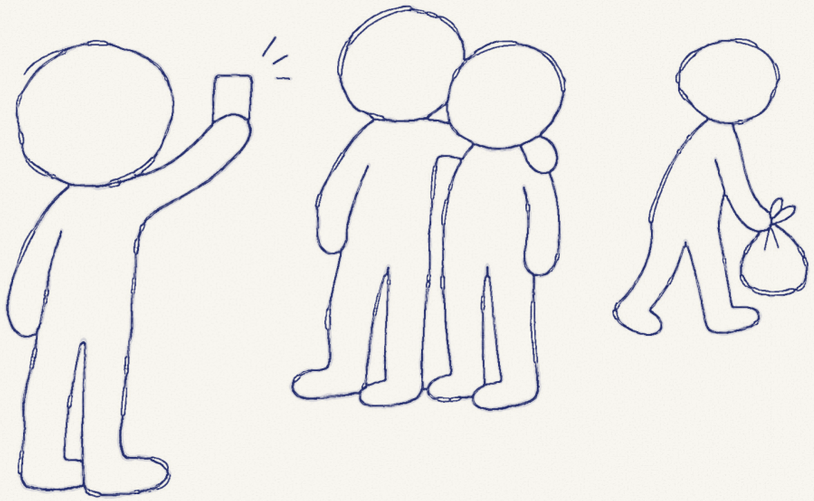
Ты молчишь

Я могу за одним столом с тобой разыграть целый разговор почти в одиночку. Я спрашиваю: «Ты обиделась?» Ты молчишь. «Так и знал», — говорю я. Если вечером меня спросят, что случилось, я уже готов ответить: «Она обиделась».

Попробую вспомнить наш разговор дословно. Слово «обиделась» произнёс я. Услышал я собственный голос. А к вечеру рассказываю о тебе так, будто ты это мне подтвердила.

А если через минуту ты сама скажешь: «Да, обиделась»? Я могу поверить тебе и попросить прощения за то, что сделал. Завтра мы снова сядем за этот стол.

С чего я взял, что даже твои собственные вчерашние слова дают мне сегодня право отвечать за тебя?

После субботника

А он с нами?

Давайте только своих.

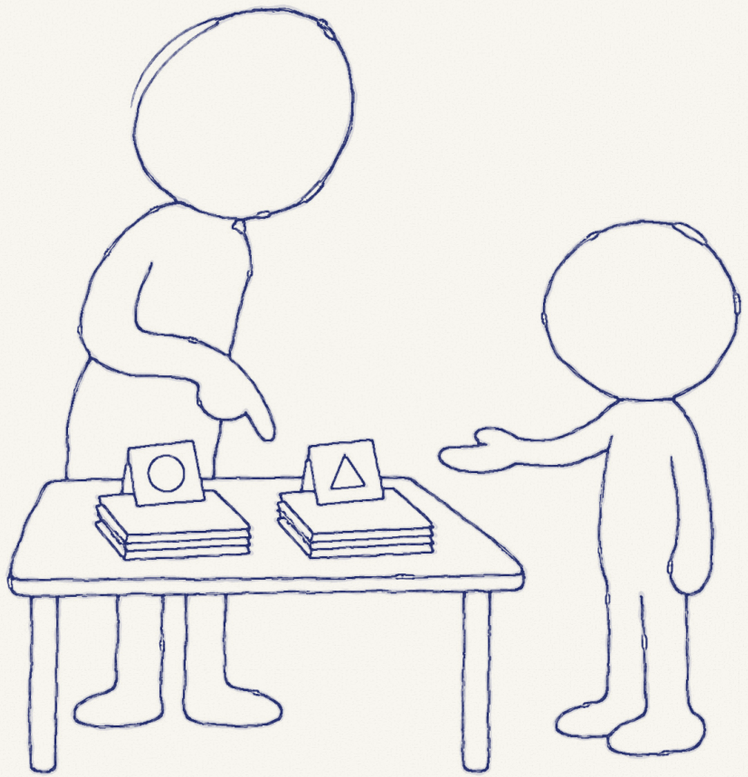
Шаг в сторону

Вот как я сам мог бы кого-то исключить. После уборки двора я поднимаю телефон, чтобы снять всех, кто пришёл. С краю стоит человек, с которым я ещё не знаком. Соседка спрашивает: «А он с нами?» Я выбираю слово «чужой».

«Давайте только своих», — добавляю я и прошу его шагнуть в сторону. Он ставит мешок на землю и выходит из кадра. До моих слов он стоял плечом к плечу с остальными.

Пусть он и правда живёт на соседней улице и пришёл помочь сестре. Я мог спросить, как его зовут. Мог просто чуть отступить, чтобы все поместились.

В какой момент моё «я его не знаю» стало для него командой отойти?

Моё правило раздачи

Кругам — 5. Треугольникам — 5.

Можно мне просто взять лист?

Я разделил поровну

Я кладу на стол десять листов для рисования. Раздаю пятерым карточки с кругом, пятерым — с треугольником. Для каждой группы я отложил по пять листов. На каждого выходит по одному. Мой подсчёт можно проверить.

«Сначала скажи, кто ты — круг или треугольник. Тогда бери лист», — говорю я каждому. Один кладёт карточку на стол. «Можно мне просто взять лист?» Я отвечаю: «Посмотри, я же разделил поровну». Он протягивает ладонь, а я держу лист у себя. Про количество листов он меня вообще не спрашивал.

Мне достаточно протянуть ему бумагу. Я могу раздать всем по листу, даже если никто так и не скажет, что он круг или треугольник.

Почему тот, кто пришёл рисовать, должен ещё согласиться принадлежать к одной из групп, которые я придумал?

Восемь букв

Я могу встать на место учителя. Вот я пишу на доске «личность» и прошу ученика переписать слово в тетрадь. Прохожу пальцем по каждой букве: л, и, ч, н, о, с, т, ь. Все восемь на месте.

Потом я даю задание: «Опиши свою личность». Теперь от него требуется найти в себе что-то, к чему подойдёт выученное слово. Кто установил, что ему вообще полагается это в себе искать? Задание дал я.

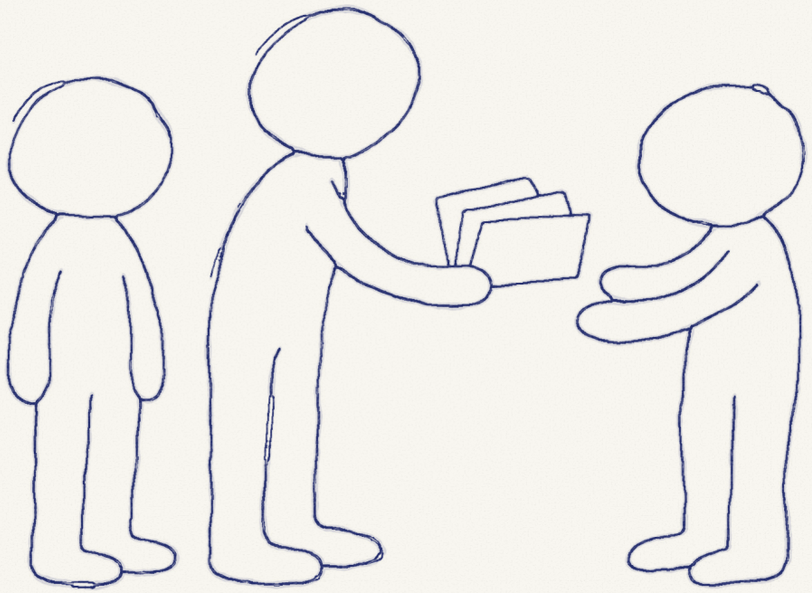
Пусть ученик составит целую страницу и получит отличную оценку. Он мог точно знать, каких фраз я жду. Я ведь сам учил его составлять такие ответы.

Что именно я проверил в его тетради и почему решил, что проверил его самого?

У доски

л-и-ч-н-о-с-т-ь

Опиши свою личность.

Год в мастерской

Январь. «Безынициативный».

Декабрь. Самостоятельных заказов — 0.

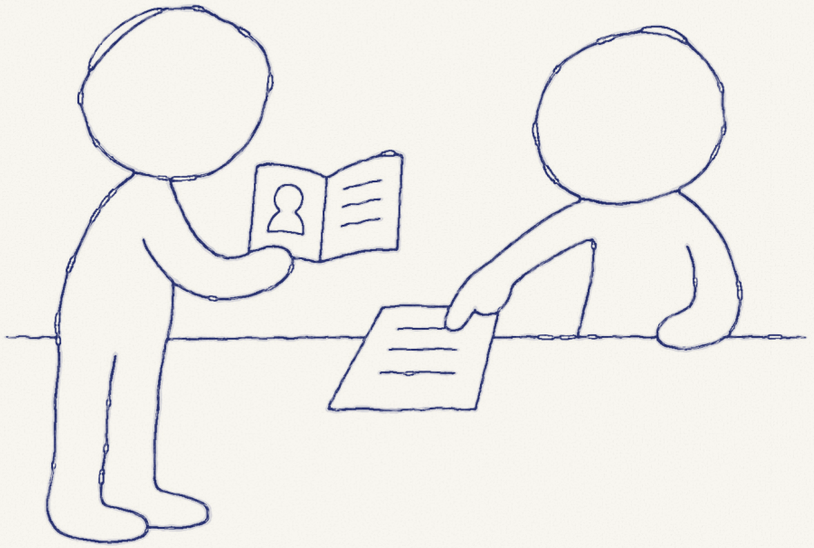
Ни одного самостоятельного дела

Если бы я распределял заказы в мастерской, я мог бы сам приготовить такое доказательство. В январе пишу о сотруднике: «Безынициативный». С тех пор каждый заказ целиком поручаю кому-нибудь другому. Ему оставляю отдельные операции.

В декабре я смотрю отчёт. За год он не вёл самостоятельно ни одного заказа. «Вот видите», — говорю я и снова показываю на январскую запись. В отчёте всё верно. Кому поручить каждый заказ, тоже решал я.

Я могу предложить ему следующий заказ целиком и спросить, хочет ли он за него взяться. Для этого ему не требуется сначала назвать себя «инициативным».

Почему последствия моего решения я предъявляю ему как доказательство того, какой он?

У окошка

В паспорте	Шебетов
В списке	Шеебтов
После исправления	Шебетов

«Вас нет в списке»

Для примера я беру свою фамилию. Подхожу к окошку за пропуском. В паспорте написано «Шебетов». В списке — «Шеебтов». Две буквы поменялись местами. Дежурный сверяет строки и говорит мне в лицо: «Вас нет».

Пока он звонит тому, кто составлял список, я никуда не делся. Исправляют две буквы. Дежурный сверяет строки ещё раз. Теперь он может выдать мне пропуск. Правило установили те, кто распоряжается входом.

У окошка от меня ждали, чтобы совпали две строки. А вечером дома я сам спрашиваю себя «кто я?» и первым делом называю имя и фамилию, как для пропуска. Дежурного рядом нет. Это я снова сверяю ответ с паспортом. Я не ебучая пластмассовая игрушка, на которой можно написать текст.

Для пропуска мне понадобилось исправить запись в списке. Почему я дома всё ещё жду от себя ответа по документу?

Чья тысяча?

Допустим, я проверяю кассу после твоей смены. В программе стоит шесть тысяч рублей. Мы вместе пересчитываем деньги в ящике. Пять тысяч. Я вычитаю пять тысяч из шести. Расхождение в тысячу мы оба можем проверить.

Теперь я открываю ведомость и в строке с твоей фамилией пишу «Личный долг — тысяча рублей». Пододвигаю её к тебе: «Подпиши и верни деньги». Фамилию выбрал я. Слово «долг» тоже добавил я.

Чтобы выяснить, откуда взялась разница, я могу сверить чеки и операции. Даже после второго пересчёта у меня по-прежнему пять тысяч в ящике.

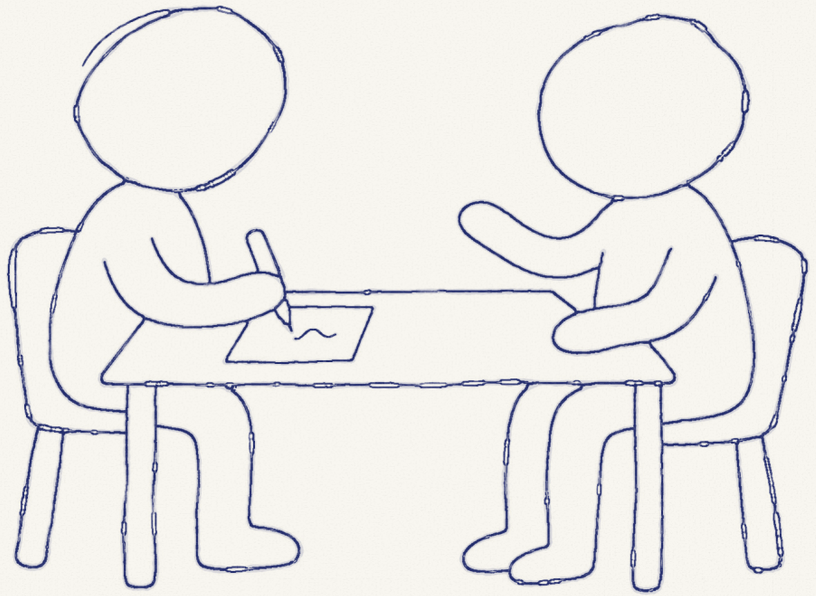
Каким действием я установил, что именно ты должен достать тысячу из собственного кармана?

Касса и ведомость

В ящике на тысячу меньше.

Под твоей фамилией я пишу «долг».

На приёме

Я говорю «депрессия».

Почему именно это лекарство?

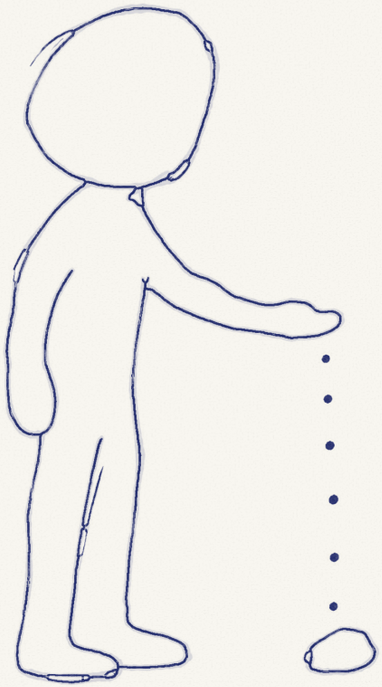
Слово в карте

Для этого примера я сам выбираю слово «депрессия». На приёме я произношу его вслух. Врач записывает слово и предлагает лекарство. Я хочу узнать, почему именно его. Что врач услышал в моём рассказе? Что ещё выяснил? Чего ожидает от лечения?

Мы можем открыть карту и прочесть одно и то же слово. Это совпадение ещё ничего не говорит о том, чем обосновано назначение. И даже когда я сам выбираю слово «депрессия», я не становлюсь этим словом.

Если в следующий раз я услышу «Чтобы продолжить, вы должны согласиться с записью», мне будет о чём спросить. Почему мою просьбу о помощи поставили в зависимость от этих слов? Условие я только что услышал от собеседника.

Почему, чтобы меня продолжили слушать, я должен сначала подтвердить записанное обо мне слово?

Время падения

Мой расчёт	0,50 с верно
По видеозаписи	0,50 с

Полсекунды

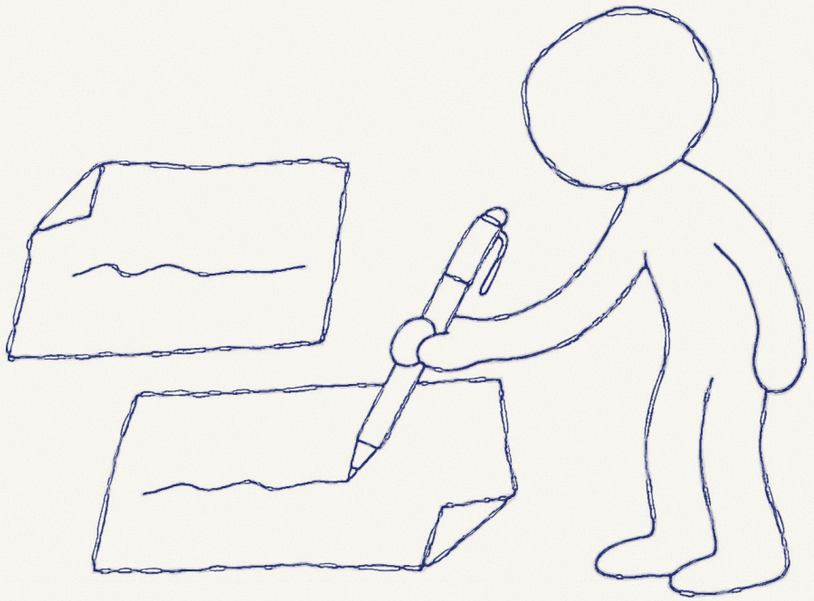
По моему расчёту камень будет падать полсекунды. Записываю 0,50 с. Разжимаю пальцы и вижу, как камень падает на пол. Потом на съёмке нахожу два кадра. На одном камень отделился от пальцев, на другом коснулся пола. Разница между отметками времени — 0,50 с.

Закрываю видео. По двум строкам видно, что расчёт сошёлся с измерением до сотой секунды. Чтобы показать тебе, какой кадр я выбрал, мне придётся открыть съёмку. А за самим камнем — нагнуться.

Рядом я пишу «верно». В-е-р-н-о. Все пять букв я выучил и мог написать ещё до опыта. Слова «факт», «точность» и «формула» я тоже выучил по буквам. Какую формулу я взял и что измерил, по ним не узнать.

«Я сам видел, что камень падал ровно полсекунды», — говорю я. Что я сейчас выдал за увиденное?

Падение я видел. А полсекунды получил позже, сравнив отметки времени на двух кадрах. Число верное. Словами «сам видел» я приписал своим глазам результат измерения.

Написано в один день

После смерти ничего нет.

После смерти что-то есть.

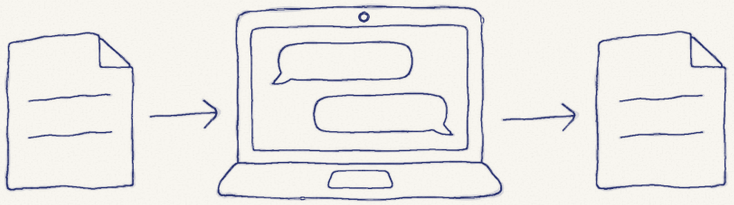
Обе строки я написал сегодня

Я пишу на листе: «После смерти ничего нет». Строчкой ниже: «После смерти что-то есть». Обе фразы я написал сегодня одной ручкой. Чтобы поменять ответ, мне хватило ручки.

Я могу верить в первую фразу. Могу всю жизнь надеяться, что верна вторая. «Жизнь», «смерть», «ничего» — как писать и читать каждое из этих слов, я узнал при жизни. Если я обведу одну из двух строк, ты увидишь, какую я выбрал.

А если я передам ручку тебе и скажу «теперь выбери», ещё одно требование появится прямо здесь, между нами. Его предъявлю я.

С чего я взял, что ты обязан принять хотя бы одну из моих записей о том, что будет после смерти?

В окне переписки

Я пишу	Я хочу сократить письмо.
Программа	Я думаю, последняя фраза лишняя.

В отдельной строке

Я Я

Ещё одно «я»

Я прошу сократить письмо. На экране ответ: «Я думаю, последняя фраза лишняя». Копирую заглавную Я из каждой реплики, ставлю их рядом и меняю местами. Внизу всё те же Я Я.

В детстве я слышал «я» и сам так говорил о себе. Потом вывел Я в прописи. Прочту букву — и сразу думаю о себе. Мне понадобилось 35 лет, чтобы это заметить. Эту книгу я пишу теми же буквами.

Программу назвали искусственным интеллектом. Её учили на текстах с теми же буквами. Я пишу «мне больно». Программа выводит «мне больно». Меняю местами подписи «человек» и «программа». Если я скажу «нам одинаково больно», это мой вывод.

Я могу перечитать письмо и решить, помогла ли правка. А если в журнале появится «пользователь согласен на отправку»? Я просил сократить письмо. Отправлять его я никого не просил.

Где в двух одинаковых буквах я увидел, кто думал или кому было больно?

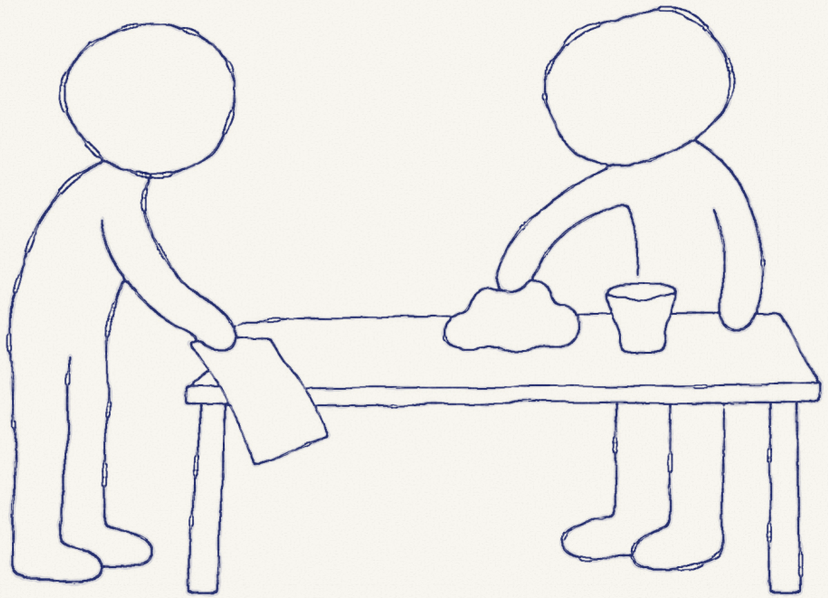
Можно просто взять глину?

Если я позову тебя лепить из глины, что тебе придётся сделать, прежде чем я дам её в руки? В моей воображаемой мастерской на столе лежит анкета с графой «Расскажите о себе». Её положил я. Пока графа пустая, я прошу за стол не садиться.

Кто-то говорит: «Я просто хочу попробовать». Мне легко ответить: «Так и напишите». Я вроде бы принял ответ, а у человека по-прежнему на пути к глине стоит моё требование написать хоть что-нибудь о себе.

Я могу убрать анкету со стола. Показать, где взять воду. Предложить помощь с глиной. Если кому-то захочется рассказать о себе, я могу послушать. Если захочется молча слепить чашку, глина уже здесь.

Я сам поставил это условие. Чьего правильного отказа я жду, чтобы его снять?

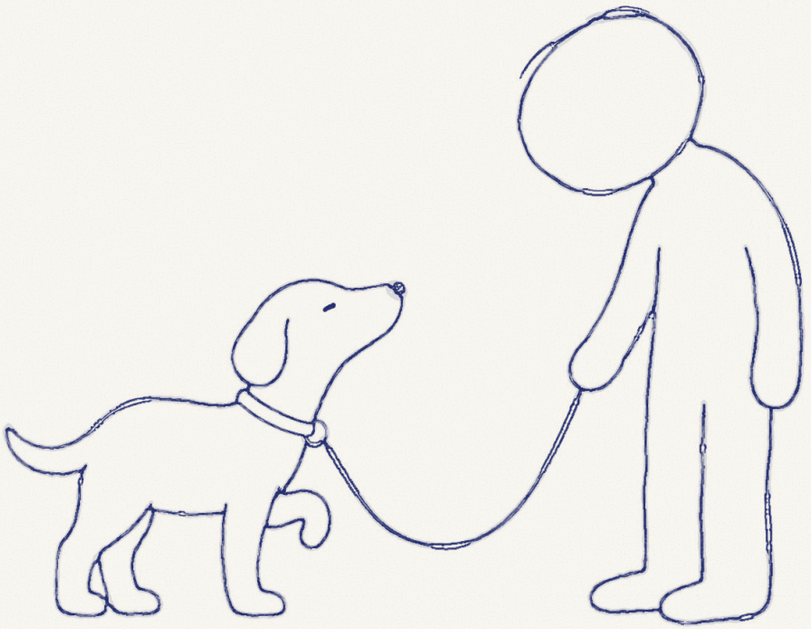

На пороге мастерской

Расскажите о себе.

Я просто хочу попробовать.

Я ослабляю поводок

На что я смотрю

Одна лапа на весу.

Поводок провис.

Я иду с собакой. Она останавливается, поджав переднюю лапу. Я ослабляю поводок. Может быть, ей больно. Пока я вижу, что она держит лапу на весу. Я могу присесть рядом и посмотреть.

Я выучил слово «земля». Собаке не нужно знать ни одной из этих пяти букв, чтобы ступать по земле. Даже пока я пишу эту строку, она может опустить лапу и пойти дальше. Чтобы узнать, пошла ли она, мне придётся поднять глаза.

А если рядом со мной останавливается ребёнок и протягивает руку? Я могу взять его за руку. Могу заставить ждать: «Сначала скажи, чего ты боишься». Могу и сам подсказать ему всё сразу: «Ты трусишь. Вон тот человек чужой. Мир опасен». Это я сейчас выбрал слова про него, про другого и про мир.

С чего я взял, что ребёнок, раз уж он родился, должен повторить за мной хоть одно слово, прежде чем я возьму его за руку?

На полях

Чашка всё ещё справа

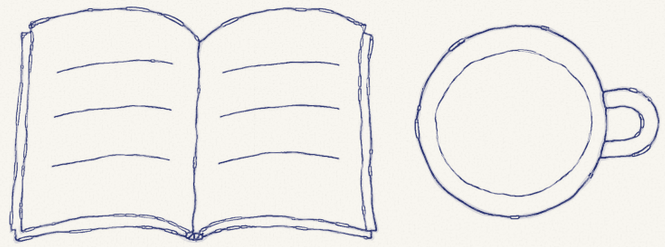
Я ставлю чашку справа от раскрытой книги. Пишу на листке «Поставь чашку слева от книги» и даю его двоим. Оба по очереди читают мою просьбу вслух. Я слышу каждое слово дважды. Чашка всё ещё там, куда я её поставил.

Я фотографирую стол. Под снимком пишу «Оба видели, где она стояла». Вот чашка, вот книга. Кто из двоих куда смотрел? Про обоих здесь написал я.

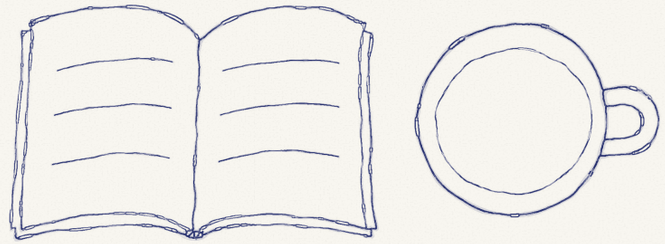
Я прошу ученика объяснить жизнь своими словами. Он отвечает «Жизнь — процесс». Слово «процесс» мы оба выучили. Отметку «понял» ставлю я. Что ученик имел в виду, я ещё не спросил.

Допустим, из пьесы я выписал одну реплику: «Я тебя убью». Кому и при каких обстоятельствах её сказали? Если я назову эту строку угрозой и потребую лишить кого-то свободы, мне придётся объяснить два своих решения. Почему я прочёл реплику как угрозу? Почему выбрал такую меру?

До чтения записки

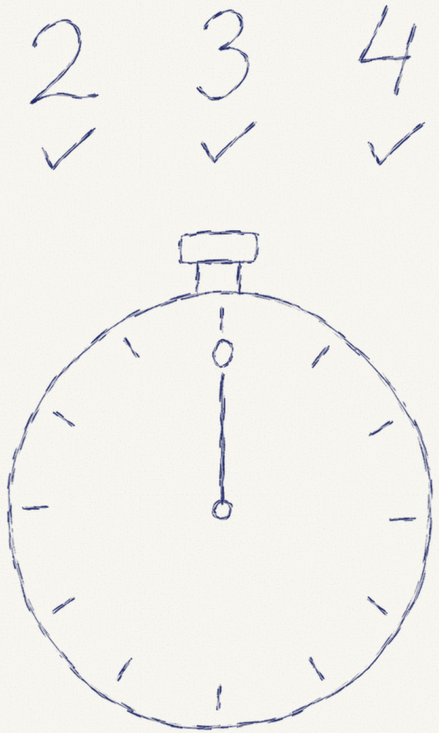

После чтения записки

На полях

Что показал секундомер?

Я пишу «2 + два». Мы договорились читать «два» и «2» как одно и то же число. Складываю. Получаю 4.

Проверю, простое ли число 17. Можно ли получить 17 умножением двух целых чисел больше единицы? Если оба хотя бы по 5, получится не меньше 25. Значит, один из множителей пришлось бы искать среди чисел 2, 3 и 4. Пробую делить 17 на каждое. Каждый раз есть остаток. Значит, 17 — простое число.

Я мог бы перебирать делители от 2 до 16. Я проверил только три и уже сказал «так быстрее». Что я посчитал? Сколько раз я делил. Секундомер я даже не запускал. Если я засеку оба способа, то узнаю, сколько секунд занял каждый. А где на циферблате я прочитаю, что такое само время?

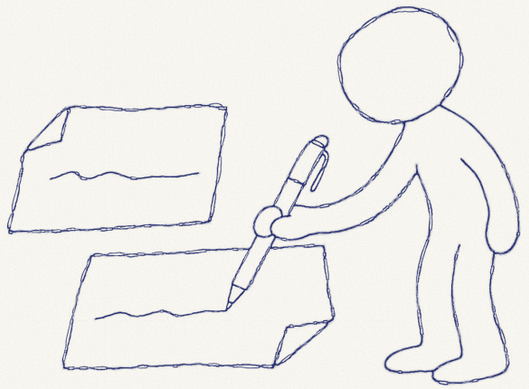
Я читаю H_2O на пузырьке. Я знаю формулу воды и могу точно переписать её на другой пузырёк. Что в нём? Этикетку я заполнил. Содержимое ещё предстоит проверить.

На полях

Какой стороной вверх?

Я вешаю над твоим столом лист «Найди смысл жизни». В какой момент ты обязался искать? Гвоздь вбил я. Снять лист тоже могу я.

На листе пишу «Бог есть», на обороте — «Бога нет». Читаю «Бог есть». Переворачиваю лист и читаю «Бога нет». Что я узнал? Только то, что сам написал на обороте. Есть ли Бог, я этим не проверил.

В детстве я повторял за другими «боль», когда резался или ударялся. Букв я ещё не знал. Теперь порежусь — и сразу говорю «боль», будто прочёл это слово на пальце. Вижу чашку — и так же сразу говорю «чашка». Оба слова произнёс я сам, а кажется, будто мир уже подписан. Пишу «Мир — симуляция». Так я назвал ощущение, будто читаю слова на самих вещах. Как устроен мир, я этим не проверил.

В гороскопе читаю «Вы долго колеблетесь». Я и правда медлю, выбирая, какой стороной положить лист. Узнаю себя в этой строчке. Если допишу «Мой выбор был предопределён», где я увидел, что положить лист иначе было нельзя?

Допустим, для научного журнала я пишу «ИИ нас поработит». Это мой прогноз. Дописываю «Его надо остановить». Это моё требование. А если твоё имя исчезло из очереди, как я узнаю, кто его вычеркнул?

На полях

Кто вычеркнул тебя из списка?

Даю программе сто старых заявок. О каждой спрашиваю «Пришла в срок?» Сверяю ответы с датами. Девяносто верны. Записываю результат.

Вторая программа копирует эту запись в отчёт. Самих заявок она не видела. Я считаю две строки и дописываю «Проверили дважды». Ответы я проверял один раз.

Ты подаёшь заявку. Первая программа пишет о тебе «ненадёжный». Вторая копирует пометку в список. Я читаю своё «Проверили дважды» и нажимаю «Убрать из очереди». Твою заявку я даже не открыл.

Все сто ответов были о прежних заявках. Допустим, я открыл и твою. Она и правда пришла на день позже. По дате я узнал, когда пришла заявка. А по слову «ненадёжный» я решил, что тебе нельзя доверять. Из очереди тебя вычеркнул я. Могла ли программа сама удалить твоё имя? Могу проверить, кому разрешено менять список.

Я записал результат

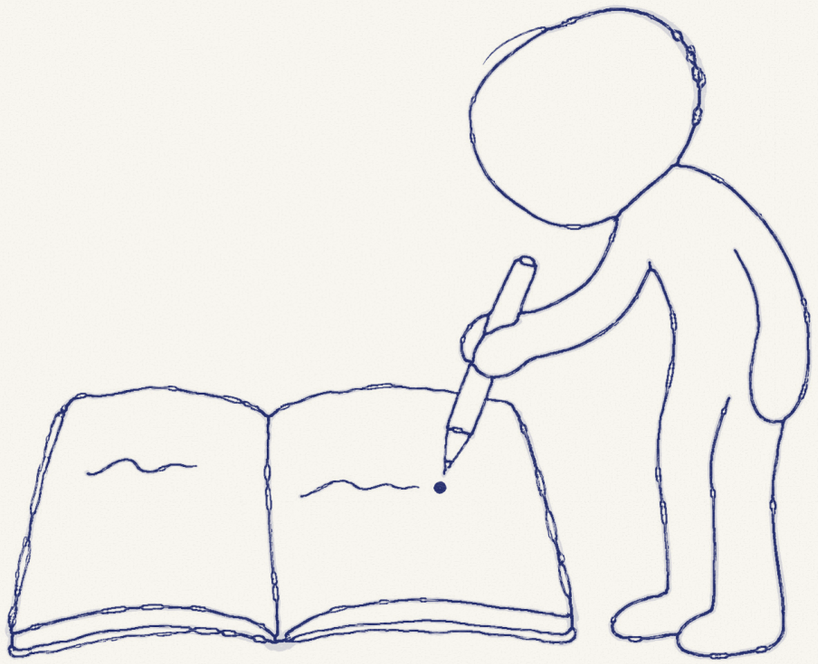
90/100

Программа скопировала

90/100

Я дописал

Проверили дважды

Кто написал «никто»?

Я возвращаюсь к вопросу на обложке. «Кто решил, что слово „человек“ — это я?» Ты можешь прочитать этот вопрос как мой. Можешь задать его себе. Чернила на обложке в обоих случаях одни и те же. По какой букве я узнаю, о ком ты сейчас подумал?

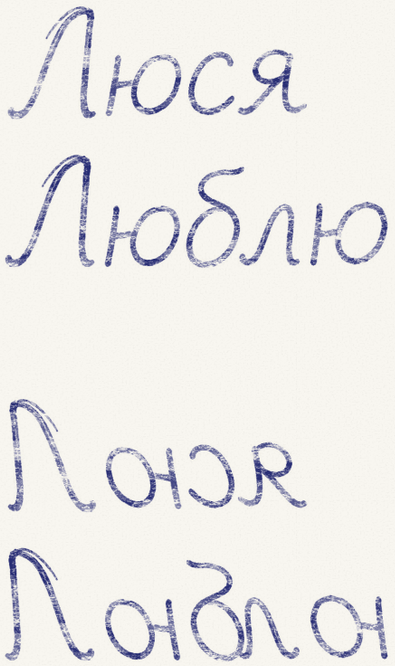
На развороте с двумя листками я от руки вставил «не». Слово «никто» под ними тоже написал я. Могу зачеркнуть его и начать строку заново. Ручка моя. Откуда у меня взялось право одной такой правкой решать, кто ты?

Я могу пользоваться словами, когда говорю о тебе, о себе и о мире. В этой книге я так и делал. Даже слово «факт» я выучил, даже название Beforeword я сам сюда поставил. Я кладу ручку.

Если я соглашусь со всем, что здесь написано, почему я должен принять за себя и эти слова?

Open your eyes, open your mind
Proud like a god, don’t pretend to be blind
Trapped in yourself, break out instead
Beat the machine that works in your head

Любимая песня Люси
Guano Apes · Open Your Eyes

А Б В Г Д Е Ё Ж З И Й

К Л М Н О П Р С Т У Ф

Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я